

ГЛАВА 1

Утром того дня Пит не подарил мне своей традиционной улыбки, при которой его зубы на морщинистом желтоватом лице казались особенно белыми. Правда, он произнес, как положено, вместо приветствия: «Хи-хо, мистер Гудвин», но в его голосе тоже не улавливалось задорной усмешки, и он не посчитался с давно установленным фактом, что мне полагается принять у него пальто и кепи и повесить их на вешалку. К тому моменту, когда я запер входную дверь и повернулся к нему, он уже успел швырнуть свою одежду на скамью в холле и поднимал ящик с инструментами, который поставил на пол, чтобы раздеться.

— Вы пришли сегодня на час раньше, Пит, — заметил я. — Что, ваши предыдущие клиенты теперь ходят босиком?

— Нет, они заняты, — ответил Пит и направился через холл к кабинету. Я обиженно двинулся следом: в конце концов, мы были с ним друзьями более трех лет.

Пит приходил три раза в неделю — по понедельникам, средам и пятницам — около полудня, после того как заканчивал обход всех своих клиентов в большом административном здании на Восьмой авеню. Вулф всегда давал ему доллар, поскольку до нашего старо-

го кирпичного особняка на Западной Тридцать пятой улице было пять минут ходу, я же — только четверть доллара, но Пит наводил на мою обувь точно такой же блеск, как и на ботинки Вулфа.

Я никогда не притворялся занятым делами, пока Пит трудился над Вулфом, потому что мне нравилось их слушать. Это было поучительно. Вулф воображал, что, если человек родился в Греции, даже если и уехал оттуда в шестилетнем возрасте, все равно должен быть хорошо знаком со славным прошлым своей родины, и вот уже сорок месяцев набивал голову Пита фактами из древней истории.

В то утро, когда Вулф повернул свое огромное кресло, в котором сидел за письменным столом, Пит опустился на колени и поставил свой ящик на обычное место, а я прошел к своему столу, шеф потребовал:

— Кто такой был Эратосфен и кто обвинил его в убийстве в своей знаменитой речи, произнесенной в четырехста третьем году до нашей эры?

Пит, устанавливавший в определенном порядке набор щеток, покачал головой:

— Кто? Может быть, Перикл?

— Ерунда! Перикл успел умереть за двадцать шесть лет до этого. Проклятие, прошлый раз я читал вам отрывки из его речи! Его имя начинается с буквы Л.

— Ликург?

— Нет, Ликург из Афин еще не родился.

Пит посмотрел вверх:

— Сегодня вы должны меня извинить. — Он постучал себя щеткой по лбу. — Сегодня здесь пусто. Почему я пришел рано? Что-то случилось. Я иду в комнату джентльмена, мистера Эшби, хороший кли-

ент, двадцать пять центов каждый день. Комната пуста, никого нет, окно широко раскрыто, в него врывается холодный воздух. Десятый этаж. Ну, я иду и выглядываю из окна. Внизу большая толпа, разные зеваки и полицейские. Я выхожу в холл и спускаюсь вниз на лифте, проталкиваюсь через людей, а там на тротуаре мой хороший клиент, мистер Эшби, он ужасно разбит. Я снова выбираюсь из толпы, я смотрю наверх, вижу всюду головы высунувшихся наружу людей и думаю, что сейчас бесполезно подниматься к клиентам, они все равно будут глазеть из окон, поэтому я и пошел сюда. Вот почему я явился рано, вы должны меня сегодня извинить, мистер Вулф.

Пит опустил голову и заработал щетками.

Вулф заворчал:

— Советую вам немедленно возвратиться в это здание. Знает ли кто-нибудь, что вы побывали в комнате мистера Эшби?

— Разумеется. Мисс Кокс.

— Она видела, как вы туда вошли?

— Конечно.

— Сколько времени вы находились в комнате?

— С минуту, возможно.

— Видела ли мисс Кокс, как вы вышли?

— Нет, потому что я вышел через другую дверь.

— Это вы вытолкнули его из окна?

Пит перестал мелькать своими щетками и поднял голову:

— Нет, мистер Вулф. Богом клянусь.

— Я советую вам возвратиться. Если толпа уже собралась, когда вы выглянули из окна, и если мисс Кокс в состоянии точно назвать время, когда вы во-

шли в комнату, вы, возможно, избежите неприятностей, но не исключено, что вы угодили в беду. Вам не следовало оттуда уходить. Полиция скоро будет вас разыскивать. Возвращайтесь, слышите? Немедленно. Ботинки мистера Гудвина могут подождать до среды. Или же приходите позднее.

Пит отложил в сторону щетки и с неуверенностью взялся за крем.

— Полицейские, — сказал он, — вообще-то молодцы. Мне нравятся полицейские. Но если бы я сказал, что кого-то видел...

И он стал покрывать обувь кремом.

Вулф хмыкнул:

— Значит, вы кого-то видели?

— Я не говорю, что кого-то видел. Просто сказал, что будет, если бы я сказал в полиции, что кого-то видел... А были полицейские в Афинах в четыреста третьем году до нашей эры?

Крем подсыхал на ботинках.

Разговор снова вернулся к былой славе Греции, но я уже его не слушал. Пока Пит заканчивал чистить ботинки Вулфа, а потом наводил глянец на мои, игнорируя совет Вулфа, я практиковался в искусстве розыска. Разговоры о том, что детективу следует строго придерживаться одних фактов, пустая болтовня. Иной раз одно обоснованное предположение продвинет тебя гораздо дальше, чем сотня отборных фактов. Поэтому на протяжении десяти минут я тренировал свои умственные способности на Пите Васозе. Убил ли он человека полчаса назад? Если собранные к этому времени факты доказывали, что такое возможно, мне хотелось решить, как бы я прогосо-

вал в жюри присяжных. В конце концов я вообще отказался от голосования, поскольку в моем распоряжении не было самого главного: мотива преступления. Ради денег? Нет, Пит не пошел бы на убийство, привлеченный даже огромной суммой. Тогда из мести? Смотря за что. Из страха? Пожалуй, но только если бы страх был достаточно весомый... Вот почему я не смог бы участвовать в голосовании.

Часом позже, когда я шагал через весь город с поручением в банк, я остановился на углу Восьмой авеню, чтобы посмотреть, что там творится. Разбившийся мистер Эшби был убран, но тротуар перед административным зданием был огорожен веревкой, чтобы лишить возможности свору добровольных следователей вмешиваться в работу сотрудников Отдела по расследованию убийств и троих полицейских, которые занимались вопросами транспорта. Подняв глаза, я увидел несколько голов, высунувшихся из окон, но ни одной на десятом этаже, третьем от крыши.

Дневной выпуск «Газетт» доставляют немногим позже пяти часов в кирпичный особняк на Тридцать пятой улице, который принадлежит Ниро Вулфу и в котором он живет и работает, если работает. Когда у нас нет важного дела на руках, это время общего мертвого часа в офисе. Вулф обязательно находится наверху в теплице вместе с Теодором, там у него от четырех до шести вечера ежедневно бывает свидание с его обожаемыми орхидеями; Фриц на кухне готовит ужин, а я откровенно убиваю время, так что когда принесли «Газетт» в тот день, я страшно обрадовался и выяснил с ее помощью все, что было известно о смерти мистера Денниса Эшби. Он разбился о тротуар в 10.35 утра

и умер мгновенно. Не удалось найти ни одного человека, который бы видел, как это произошло.

Его секретарша, мисс Фрэнсис Кокс, разговаривала с ним по телефону в 10.28, ни одно соседнее окно не было раскрыто, поэтому и посчитали, что мистер Эшби вывалился из окна собственного кабинета на десятом этаже.

Ничего не было сказано о том, решила ли полиция считать это происшествие несчастным случаем, самоубийством или убийством. Если кто-то и находился в кабинете вместе с Эшби в тот момент, когда он покинул его пределы через окно, этот человек по этому поводу не болтал. Никто не входил в кабинет Эшби после 10.35, когда он оказался внизу на тротуаре, на протяжении минут пятнадцати, примерно в 10.50 туда вошел чистильщик сапог Питер Вассоз с целью привести в порядок обувь мистера Эшби. А через несколько минут на десятый этаж поднялся полицейский, выяснивший имя пострадавшего из бумаг, находившихся в его кармане. Вассоз к этому времени исчез, но позднее его нашли у него дома на Грахем-стрит в Лоу-Ист-Сайде, Манхэттен, и доставили в прокуратуру для допроса.

Деннис Эшби, тридцати девяти лет, женат, бездетен, был исполнительным директором фирмы «Мерсерз Боббинз» по реализации и рекламе продукции. Согласно заявлениям его коллег по бизнесу и вдовы, он был совершенно здоров, его дела находились в полном порядке, так что у него не имелось ни малейшего основания для самоубийства. Вдова, Джоан Эшби, была убита горем и отказалась встретиться с репортерами. Эшби был ниже среднего роста, 5 фу-

тов 7 дюймов, весом 140 фунтов. Этот кусочек, припасенный для концовки заметки, был характерным для «Газетт» трюком: эти данные подсказывали, что пропихнуть человека с такими габаритами через окно не представляло особого труда.

В шесть часов в холле раздался скрип опускающегося вниз лифта, который задрожал, прежде чем остановиться, и через пару секунд в кабинет вошел Ниро Вулф.

Я дождался, когда он подойдет к столу и втиснет свою тушу весом в одну седьмую тонны в гигантское кресло, и сказал:

— Они доставили Пита в прокуратуру. По всей вероятности, он так туда и не вернулся...

Раздался дверной звонок. Я поднялся, вышел в холл, включил свет на крыльце и сразу же сквозь стекло, прозрачное лишь с внутренней стороны, узнал знакомую мускулистую фигуру инспектора.

— Кремер, — сообщил я Вулфу.

— Что ему нужно? — проворчал тот.

Это означало, что гостя следует впустить в дом. Когда инспектора Кремера из Отдела по расследованию убийств впускать не следует по какой-нибудь веской причине или же без всякой причины, Вулф просто рывкает: «Нет!» Когда же его можно впустить, но сначала требуется помурьжить, опять-таки обоснованно или совершенно необоснованно, Вулф изрекает: «Я занят».

Что касается Кремера, это тоже человек настроения. Когда я открываю дверь, он может перешагнуть через порог и зашагать через холл, не соизволив со мной поздороваться. Или же может бросить мне «Привет», как

мужчина мужчине. Дважды он даже назвал меня «Арчи», но это просто сорвалось у него с языка.

На этот раз Кремер позволил мне забрать у него пальто и шляпу, а когда я вошел в кабинет, уже сидел в красном кожаном кресле у края письменного стола Вулфа, но не откинулся в свободной позе на спинку. Это кресло было очень глубоким. Кремеру же нравилось сидеть, далеко вытянув перед собой ноги. Я ни разу не видел, чтобы он сидел со скрещенными ногами.

Кремер начал с того, что его дело не отнимет много времени, ему просто нужна небольшая информация, и Вулф снизошел.

— В отношении того человека, который приходил сегодня чистить ботинки, — пояснил Кремер, — Питера Вассоза. Когда он сюда явился?

Вулф покачал головой:

— Вам бы уже следовало запомнить, что я отвечаю на ваши вопросы только тогда, когда вы докажете мне наличие связи между вашим служебным долгом и моими обязанностями, причем последнее слово принадлежит мне.

Кремер плотно сжал губы и явно сосчитал до пяти.

— Да-а, вечно вы все усложняете, как бы просто дело ни было! Я расследую возможное убийство, которое, может быть, совершил Питер Вассоз. Если это так, то сразу же после этого он отправился к вам. Мне известно, что на протяжении трех с лишним лет он приходит сюда три раза в неделю чистить обувь, но сегодня он явился раньше обычного. Я хочу знать, что он вам сказал. Мне не требуется вам напоминать, что вы всего лишь частный детектив, работающий по лицензии, а не адвокат, так что те сведения, которы-

ми вы располагаете, не подпадают под категорию конфиденциальной информации. Когда Вассоз пришел сюда, что он говорил?

Брови Вулфа поползли вверх.

— Что за неопределенность? «Может быть» совершенно недостаточно. Человек мог вывалиться из окна без посторонней помощи.

— Этот — нет. Почти наверняка нет. На его письменном столе была одна штуковина, большой кусок полированного окаменевшего дерева. Она была тщательно вытерта. Вы понимаете, что на ней непременно должны были находиться чьи-то отпечатки пальцев, пусть не очень четкие. А тут ничего, дерево вытерли самым тщательным образом. А сзади на голове Эшби, у основания черепа, имеется след от удара каким-то гладким круглым предметом. Это не результат соприкосновения с тротуаром, да и при падении Эшби не мог его заполнить. В газетах про это еще не упоминалось, будет сообщено в утреннем выпуске.

Вулф поморщился:

— В таком случае поговорим о вашем втором «может быть». Допустим, что Эшби действительно кто-то ударил по голове этим тяжелым предметом, а потом выпихнул из окна. По времени мистер Вассоз не мог сделать этого. Некая мисс Кокс видела, как он вошел в кабинет мистера Эшби, а через пару секунд после этого, не найдя в нем никого, выглянул из окошка и увидел внизу толпу, собравшуюся на тротуаре. Если мисс Кокс может определить время...

— Может. Но Вассоз мог побывать в кабинете еще до этого, проникнув в него через другую дверь из холла. Эта дверь была на запоре, но, если бы Вассоз по-

стучался, Эшби впустил бы его в кабинет. Ну а затем Вассоз ударил Эшби по голове этим предметом, убил или оглушил, потом дотащил тело до окна и вытолкнул наружу. Вышел из кабинета через эту же дверь, прошел через холл в приемную, где поговорил с мисс Кокс, отправился в кабинет мистера Мерсера, почистил ему ботинки, затем в кабинет мистера Буша, где тоже почистил ботинки, и уже после этого — вторично в кабинет Эшби, но теперь уже через приемную, где снова перемолвился парой слов с мисс Кокс, то ли выглянул из окна кабинета, то ли нет, вышел через другую дверь, спустился вниз на лифте и поспешил к вам... Что он сказал?

— Весьма изобретательная схема... И все это время не замеченный никем труп лежал на дорожке возле крупного административного здания. Хорошо, это не моя забота, хотя я не стану притворяться, будто меня это дело совершенно не интересует. Помимо многих приятных бесед, которые я вел с мистером Вассозом, он превосходно чистит обувь и отличается завидной пунктуальностью. Его было бы трудно заменить. По этой причине я буду снисходителен к вашей просьбе. Арчи, полный отчет мистеру Кремеру. Дословно.

Я доложил.

Это было просто по сравнению с некоторыми долгими и сложными диалогами, которые мне приходилось пересказывать Вулфу за многие годы работы у него. Я достал блокнот и авторучку, чтобы застенографировать свой отчет, дабы впоследствии не вкралось никакого расхождения, если Кремер потребует отпечатать и подписать его. Поскольку я смотрел в свои записи, я не мог видеть физиономии Кремера,

но, конечно, его холодные серые глаза были прикованы ко мне, пытаясь подметить пропуски в тексте или колебания.

Когда я подошел к финишу, описав уход Пита, и сунул блокнот к себе в стол, Кремер снова повернулся к Вулфу:

— Вы советовали ему сразу же туда возвратиться?

— Да. Память у мистера Гудвина превосходная.

— Знаю, но он неплохо умеет и забывать. Вассоз не вернулся, он напрямик отправился домой, там мы его и нашли. Его отчет о разговоре с вами совпадает с сообщением мистера Гудвина, только он кое-что опустил или же Гудвин что-то добавил. Вассоз не упоминал о том, что сказал вам, будто кого-то видел.

— Он этого и не сказал. Вы все отлично слышали. Там было «если» — если бы он сказал полицейскому, что кого-то видел.

— Да-а. Например, так: если бы он сказал полицейскому, что видел, как кто-то вошел в комнату Эшби через дверь из внутреннего холла, было бы это хорошей идеей или нет? Нечто подобное.

— Пф! Вы вправе делать какие угодно предположения, но не ждите, чтобы я их расценивал. Я сразу же сказал, что я — лицо заинтересованное, для меня оказалось бы крупной неприятностью потерять мистера Вассоза. Если он убил этого человека, присяжные заинтересуются почему. Я тоже.

— Мы еще не готовы для суда присяжных. — Кремер поднялся. — Но нам нетрудно догадаться почему. Допуская, что Гудвин сообщил мне все, что сегодня сказал Вассоз, в чем я все же сомневаюсь, я хотел бы

еще знать, о чем Вассоз беседовал с вами в остальные дни. Что он рассказывал об Эшби?

— Ничего.

— Никогда не упоминал его имени?

— Никогда. Арчи?

— Совершенно верно. До сегодняшнего дня ни разу.

— Что он когда-либо рассказывал о своей дочери?

— Ничего, — ответил Вулф.

— Вношу поправку, — вмешался я. — То, о чем говорил Пит, предназначалось не для мистера Вулфа, который рассуждал с ним о славе Древней Греции. Но однажды, года два с лишним назад, примерно в июне 1958 года, когда мистер Вулф лежал наверху в постели с гриппом, Пит рассказал мне, что его дочка только что закончила среднюю школу, и показал мне ее фотографию. Мы бы с Питом знали друг друга гораздо лучше, если бы не Древняя Греция.

— А после того он ни разу не упоминал о своей дочери?

— Нет, как бы ему это удалось?

— Глупости. Греция? Кому это нужно? — Кремер посмотрел на Вулфа. — Знаете, что я думаю? Вот что. Если вы и знаете, что Вассоз убил Эшби и по какой причине — из-за своей дочери, — и могли бы помочь правосудию привлечь Вассоза за это к ответственности, вы все равно не стали бы это делать. — Он постучал пальцем по письменному столу Вулфа. — Только потому, что вы можете рассчитывать на то, что он и дальше будет приходиться чистить вам обувь, и потому, что вам нравится забивать ему голову разными сказками о людях, про которых никто не слыхал.

В этом вы весь! — Его взгляд перешел на меня: — И ты тоже!

Он повернулся и выскочил из кабинета.

ГЛАВА 2

Ровно через двадцать восемь часов, в половине одиннадцатого вечера во вторник, я пошел открывать входную дверь, услышав звонок, и увидел через наше чудо-стекло перепуганное, но исполненное решимости маленькое личико, окаймленное с двух сторон поднятым кверху воротником коричневого драпового пальто, а сверху кокетливым коричневым же беретом, сдвинутым на правый глаз. Когда я отворил дверь, она произнесла на одном дыхании:

— Вы — Арчи Гудвин, я — Эльма Вассоз.

Это был самый обычный, ничем не примечательный день, трехразовая еда, Вулф читал книгу и диктовал письма между утренним и дневным бдением в теплице, на кухне Фриц занимался хозяйством, я валял дурака. Вопрос о том, нужно ли мне подыскивать другого чистильщика ботинок, повис в воздухе. Согласно газетам, полиция классифицировала смерть Эшби как убийство, но пока обвинение никому не было предъявлено. Около часа дня позвонил сержант Пэрли Стеббинс, чтобы спросить, не знаем ли мы, где находится Питер Вассоз, а когда я ответил «нет» и собрался сам задать вопрос, он повесил трубку. В начале пятого позвонил Лон Коэн из «Газетт», предложил написать статейку на тысячу слов о Питере Вассозе по доллару за слово, а вторую тысячу я получил бы, если бы подсказал, где в настоящее время скры-

вается сам Вассоз. Я отклонил с благодарностью оба предложения и сделал встречное, пообещав оставить свой автограф в его альбоме, если он скажет мне, кто из прокуратуры или Отдела по расследованию убийств намекнул ему, что мы знаем Вассоза. Когда же я сказал ему, что не имею понятия, где находится Вассоз, Коэн произнес слово, которое я не могу здесь повторить из цензурных соображений.

Я обычно придерживаюсь правила никого не вводить в кабинет Вулфа, когда он там находится, не спросив его согласия, но в случаях, не терпящих отлагательства, я его игнорирую. На этот раз налицо была крайняя срочность. Я часами торчал на кухне, поддразнивая Фрица, Вулф зарылся в книги, у нас не было ни клиента, ни работы, а для Вулфа ни одна женщина не является желанной гостьей в доме. Десять против одного, что он отказался бы принять и Эльму. Но я-то видел ее испуганное маленькое личико, а он нет. Помимо всего прочего, Вулф третью неделю бил баклуши, а искать замену Питу Вассозу придется мне, а не ему, если только дело дойдет до этого.

Поэтому я без колебаний пригласил девушку в дом, взял у нее пальто, аккуратно повесил его на вешалку, проводил ее в кабинет и на пороге объявил:

— Мисс Эльма Вассоз, дочь Питера.

Вулф захлопнул книжку, заложив нужную страницу пальцем, и гневно посмотрел на меня. Девушка оперлась рукой о спинку красного кожаного кресла для устойчивости, было похоже, что она может упасть, поэтому я взял ее под руку и усадил. Вулф перевел взгляд на ее лицо. Оно действительно было миниатюрным, но не таким маленьким, как мне показа-

лось сначала, самым же в нем примечательным было то, что я не замечал никаких деталей: ни глаз, ни носа, ни губ, а видел лицо целиком. Мне частенько приходилось давать профессиональные описания разных лиц, но в отношении ее лица я просто не знал бы, с чего начать.

Я спросил у нее, не хочет ли она выпить воды или чего-нибудь покрепче, но она отказалась. Повернувшись к Вулфу, она сказала:

— Вы — Ниро Вулф. Знаете ли вы, что мой отец умер?

У нее перехватило дыхание.

Вулф покачал головой, открыл было рот, но тут же закрыл его и рявкнул мне:

— Проклятие! Принеси чего-нибудь... Виски, бренди...

— Я не смогла бы ничего проглотить, — она покачала головой. — Так вы не знали?

— Нет... Когда? Как? Вы в состоянии говорить?

— Полагаю, что да.

Но ее ответ прозвучал не слишком уверенно.

— Я должна... Какие-то мальчишки нашли его у подножия скалы... Я ездила посмотреть на него... не туда, а в морг.

Она прикусила нижнюю губу, но от этого выражение ее лица не изменилось. Справившись с минутной слабостью, Эльма продолжала:

— Они воображают, что он убил себя, сам спрыгнул со скалы. Но это не так... Я знаю, что он этого не делал.

Вулф отодвинул свое кресло назад.

— Выражаю вам свои глубочайшие соболезнова-

ния, мисс Вассоз. — Это было сказано еще ворчливее. Он поднялся. — Оставляю вас с мистером Гудвином, сообщите ему подробности.

И он пошел к дверям, захватив с собой книжку.

Ну как вам это нравится? Он решил, что Эльма вот-вот закатит истерику, а женщина, не умеющая владеть собой, по его мнению, не только не достойна сожаления, она просто не имела права появиться на свет божий.

Но девушка схватила его за рукав и остановила:

— Постойте... Я должна вам сказать... Для моего отца вы были величайшим авторитетом, самым великим в мире. И я должна рассказать все лично вам!

«Черт возьми, совсем неплохо», — подумал я.

Едва ли найдется человек, которому не понравилось бы услышать, что его считают величайшим авторитетом в мире, и Вулф не был исключением. Он секунд пять внимательно присматривался к девушке, затем вернулся на свое место, уселся, взял со стола закладку и сунул ее между страницами книги, после чего отложил ее в сторону, потом требовательно спросил у Эльмы:

— Когда вы ели?

— Я не... Я не в состоянии есть.

— Пф! Когда вы ели?

— Немножко сегодня утром. Папа не вернулся домой, и я не знала...

Вулф повернулся, чтобы нажать на кнопку звонка, откинулся назад, закрыл глаза и открыл их лишь тогда, когда услышал шаги Фрица.

— Крепкий чай с медом, Фриц. Гости, плавленый сыр и ликер для мисс Вассоз.

Фриц неслышно удалился.

— Честное слово, я не могу...

— Сможете, если хотите, чтобы я вас выслушал.

Где эта скала?

— Где-то за городом... Вроде бы они мне сказали, но я...

— Когда его нашли?

— Сегодня днем.

— Вы видели его в морге. Где? За городом?

— Нет, его привезли сюда. Недалеко отсюда. После того как я... как я подтвердила, что это папа, я сразу же поехала сюда.

— Кто был с вами?

— Двое детективов. Они назвали себя, но я не запомнила их имен.

— Я имею в виду — кто был вместе с вами? Сестра, брат, мать?

— У меня нет ни брата, ни сестры, а мама умерла десять лет назад.

— Когда вы в последний раз видели отца в живых?

— Вчера, когда я возвратилась домой с работы, его еще не было. Он пришел около шести, пожаловался, что его продержали в прокуратуре целых три часа, задали кучу вопросов относительно мистера Эшби. Вы знаете, что случилось с мистером Эшби, папа сказал, что он все вам рассказал, когда приходил сюда. Конечно, я тоже про это знала, потому что там работаю. Работала.

— Где?

— В офисе компании «Мерсерз Боббинз».

— Понятно. В какой должности?

— Я стенографистка. Не чей-то секретарь, просто

стенографистка. Большею частью печатаю на машинке, иногда сочиняю письма для мистера Буша. Отец получил для меня это место через мистера Мерсера.

— Давно?

— Два года назад. После того, как я закончила среднюю школу.

— Значит, вы знали мистера Эшби?

— Да, немного знала. Да.

— Вернемся ко вчерашнему вечеру. Ваш отец вернулся домой около шести. Затем?

— Я уже почти приготовила нам обед, мы поговорили, поели, опять поговорили. Папа сказал, что кое о чем не рассказал ни полиции, ни вам, но, поразмыслив, собирается утром отправиться к вам за советом, как ему следует поступить. Он сказал, что вы такой великий человек, что люди платят вам по пятьдесят тысяч долларов за то, чтобы вы их научили, что им делать, но он уверен, что ему вы это скажете даром, так что было бы непростительной глупостью не обратиться к вам за советом. Он не пожелал мне объяснить, в чем дело. Затем пришла моя приятельница, мы договаривались с ней пойти в кино, ну и пошли. Когда я вернулась, папы не было дома, на столе лежала записка, что он уходит и может возвратиться поздно. Один из детективов пытался забрать у меня эту записку, но я ее не отдала. Она у меня с собой в сумочке, если вы хотите на нее взглянуть.

Вулф покачал головой:

— Не обязательно. До того, как вы пошли в кино, упоминал ли ваш отец о своем намерении куда-то отправиться вечером?

— Нет, а вообще-то он всегда меня предупреждал.

Мы непременно заранее говорили друг другу о своих планах.

— Значит, на этот раз он ничего не сказал. Ага, Фриц!

Фриц приблизился к красному кожаному креслу, осторожно опустил поднос на маленький полированный столик, который всегда стоит там, чтобы посетителям было удобно выписывать чеки, и предложил Эльме салфетку. Та взяла ее, вежливо поблагодарив Фрица за внимание.

Вулф пробурчал:

— Я выслушаю остальное только после того, как вы поедите, мисс Вассоз.

Он взял книгу, раскрыл ее на соответствующей странице и повернул свое кресло спиной к девушке. Она разложила на коленях салфетку. Фриц вернулся к себе.

Я тоже мог бы повернуться к своему столу и притвориться, будто чем-то занят, но тогда бы Эльма видела мое отражение в зеркале, висевшем у меня за спиной, чтобы мне была видна дверь в холл, поэтому я поднялся и ушел на кухню.

Фриц стоял у бокового стола, закрывая крышкой тостер. Доставая себе молоко из холодильника, я сказал ему:

— Эта девушка — дочка Пита Вассоза. Мне придется где-то раздобыть нового чистильщика ботинок. Пит умер.

— Умер? — Фриц повернулся ко мне. — Спаси и помилуй нас, боже! — И покачал скорбно головой: — Слишком рано ушел из жизни... Выходит, она не клиентка?

— Во всяком случае, не из тех, кому можно по-

слать большой счет. — Я налил молока. — Впрочем, ты ведь знаешь, он не взял бы сейчас платного клиента, если бы таковой даже встал на колени у нас на крыльце. Декабрь, его налоговая декларация почти на пределе. Если она хочет, чтобы он ей помог, а ему этого совсем не хочется, придется мне взять отпуск и заняться ее делом. Ты видел ее лицо?

Фриц фыркнул:

— Ее следует предупредить в отношении тебя.

— Конечно. Я сам это сделаю.

Когда стакан был до половины опустошен, я подошел на цыпочках к дверям кабинета.

Вулф по-прежнему сидел спиной ко мне, а Эльма намазывала варенье на кусочек поджаренного хлеба. Я не спеша допил молоко и снова подошел к двери. Вулф уже занимал почти нормальное положение, книга была отложена в сторону, а девушка что-то ему говорила.

Я вошел и сел на свое место.

— ...и он никогда раньше этого не делал, — продолжала Эльма. — Я подумала, что он снова мог возвратиться в прокуратуру, поэтому позвонила туда, но его там не было. Я позвонила нескольким его друзьям, они его не видели. Я, как обычно, отправилась на работу, папа приходил туда каждое утро, у него там порядочно клиентов. Я спросила у мистера Буша, приходил ли папа, он попробовал выяснить, в здании ли он, но его никто не видел. Потом появился детектив и задал мне кучу вопросов. После ленча прибыл второй и отвез меня в прокуратуру. Я...

— Мисс Вассоз, — Вулф был на удивление терпелив, — теперь, когда вы немного перекусили, вы

должны лучше собою владеть. Вы сказали, что хотите поговорить со мной, а я не могу быть невежливым с дочерью Питера Вассоза, но эти подробности несущественны. Дайте мне точные ответы на некоторые мои вопросы. Вы говорите, что они считают, будто ваш отец покончил с собой, спрыгнув с обрыва. Кто такие «они»?

— Полиция. Детективы.

— Откуда вам известно, что такова их версия?

— Из их разговоров. Из отдельных слов. Из их вопросов. Они убеждены, что папа убил мистера Эшби, а когда понял, что полиция это выяснила, убил и себя.

— Они считают, что знают, почему он убил мистера Эшби?

— Да, потому что им стало известно, что мистер Эшби меня совратил.

У меня брови полезли на лоб. Ответить лаконичнее было нельзя. На лице девушки не было даже намек на смущение, как если бы она сказала что-то само собой разумеющееся. Впрочем, выражение лица Ниро Вулфа тоже не изменилось. Но все же он спросил:

— Откуда вы это знаете?

— Из того, что они говорили сегодня в прокуратуре, когда я туда приехала... Они несколько раз употребили слова «совратил», «соблазнил».

— Известно ли вам, что ваш отец узнал, что мистер Эшби вас совратил?

— Нет, конечно. Потому что ничего такого не было. И потом, папа не поверил бы этому даже в том случае, если бы сам мистер Эшби сказал ему об этом или если бы я в припадке безумия наговорила ему всяких нелепостей. Папа хорошо меня знал.

Вулф нахмурился:

— Вы хотите сказать, что он считал, что знает вас?

— Нет, он на самом деле меня знал. Конечно, он не мог знать, возможно ли меня соблазнить, поскольку, как мне кажется, такое может случиться с любой девушкой, если у нее пойдет голова кругом, но он не сомневался, что если бы такое произошло и со мной, я бы ему об этом сразу же сказала; знал он также и то, что ни мистер Эшби, ни другой человек, похожий на него, не в состоянии меня увлечь.

— Давайте внесем полную ясность в этот вопрос. Вы говорите, что мистер Эшби вас не совращал?

— Нет, конечно.

— А пытался?

Она заколебалась, прежде чем ответить «нет». Подумав, добавила:

— Три раза он водил меня в ресторан на шоу, последний раз это было год назад. После этого приглашал еще несколько раз, но я не пошла, потому что узнала, что он собой представляет. И он мне не нравился.

Брови Вулфа приняли нормальное положение.

— Тогда почему же полиция считает, что он вас совратил?

— Не знаю. Очевидно, им кто-то так сказал. Несомненно, кто-то наговорил им массу всяких небылиц обо мне и мистере Эшби, судя по их вопросам.

— Кто именно? Они ни на кого не ссылались?

— Нет.

— Знаете ли вы, кто это сделал? Или догадываетесь?

— Нет.

Вулф повернулся ко мне:

— Арчи?

Этого следовало ожидать. Вечная история: Вулф притворяется, что совершенно не разбирается в женщинах, а я, наоборот, являюсь крупным специалистом в области женской психологии. Так что сейчас Вулф просил меня определить, совратил Деннис Эшби Эльму Вассоз или нет. Какого дьявола, я же не давал показания под присягой, да и определенное мнение у меня еще не сложилось.

Я сказал:

— Мисс Вассоз, возможно, права... Кто-то подсунил полиции ложную линию расследования, за которую они с радостью ухватились. Скажем, тридцать к одному.

— Ты веришь ей?

Эльма медленно повернула голову ко мне.

— Да. Скажем, двадцать к одному.

— Благодарю вас, мистер Гудвин, — произнесла она и снова повернулась к Вулфу.

Он довольно долго смотрел на нее, прищурился.

— Хорошо, допустим, что вы говорите искренне. Что тогда? Вы начали с того, что должны все мне рассказать, и я вас выслушал. Ваш отец погиб. Я высоко его ценил, и я не посчитался бы с усилиями, если бы можно было его воскресить. Но чего вы можете ожидать от меня, кроме сожалений, которые я уже высказал?

— Но... — Она удивилась. — Я думала — разве не ясно, что они намереваются сделать? Я хочу сказать, они вообще не собираются ничего делать. Если они считают, что отец убил мистера Эшби из-за меня, а потом из страха разоблачения убил себя, что они мо-

гут сделать? На этом все кончится, потому что для них расследование уже закончено. Так что теперь я сама должна что-то предпринимать, а я не знаю, что именно. Поэтому я пришла к вам. Папа говорил...

Она замолчала, прикрыв рот растопыренными пальцами. Это было ее первое резкое движение.

— О! — почти простонала она, рука ее бессильно упала. Тут же вскинула голову и заговорила по-другому: — Какая непростительная рассеянность... Ну конечно же! Прошу меня извинить.

Раскрыв свою сумочку из коричневой кожи, она запустила туда руку и что-то вытащила.

— Мне следовало сделать это с самого начала. Видите ли, папа не истратил ни единого цента из денег, полученных от вас, он относился к ним с огромным благоговением. Здесь собраны все долларовые бумажки, которыми вы ему платили. Он говорил, что в один прекрасный день сделает на них что-нибудь особенное, только не упоминал, что именно... Он просто считал...

Она замолчала, прикусив губу...

— Только без истерик! — испугался Вулф.

Она кивнула:

— Знаю. Не бойтесь, я не стану плакать. Я не пересчитывала деньги, но тут должно быть около пятисот долларов, ведь вы платили ему по три доллара в неделю на протяжении трех с половиной лет.

Она неслышно поднялась с кресла, положила пачку на стол Вулфа и вернулась на место.

— Конечно, для вас это пустяки, ерунда по сравнению с пятьюдесятью тысячами, которые вам платят за ваш труд, так что в действительности я прошу милостыню. Но это не для меня, это для моего отца! И в

СОДЕРЖАНИЕ

КОГДА ЧЕЛОВЕК УБИВАЕТ. Повесть	
<i>Перевод П. Сухарева</i>	5
ОТРАВА ВХОДИТ В МЕНЮ. Повесть	
<i>Перевод Г. Бляблина</i>	101
УБЕЙ СЕЙЧАС — ЗАПЛАТИШЬ ПОЗЖЕ. Повесть	
<i>Перевод Э. Михалевой</i>	205